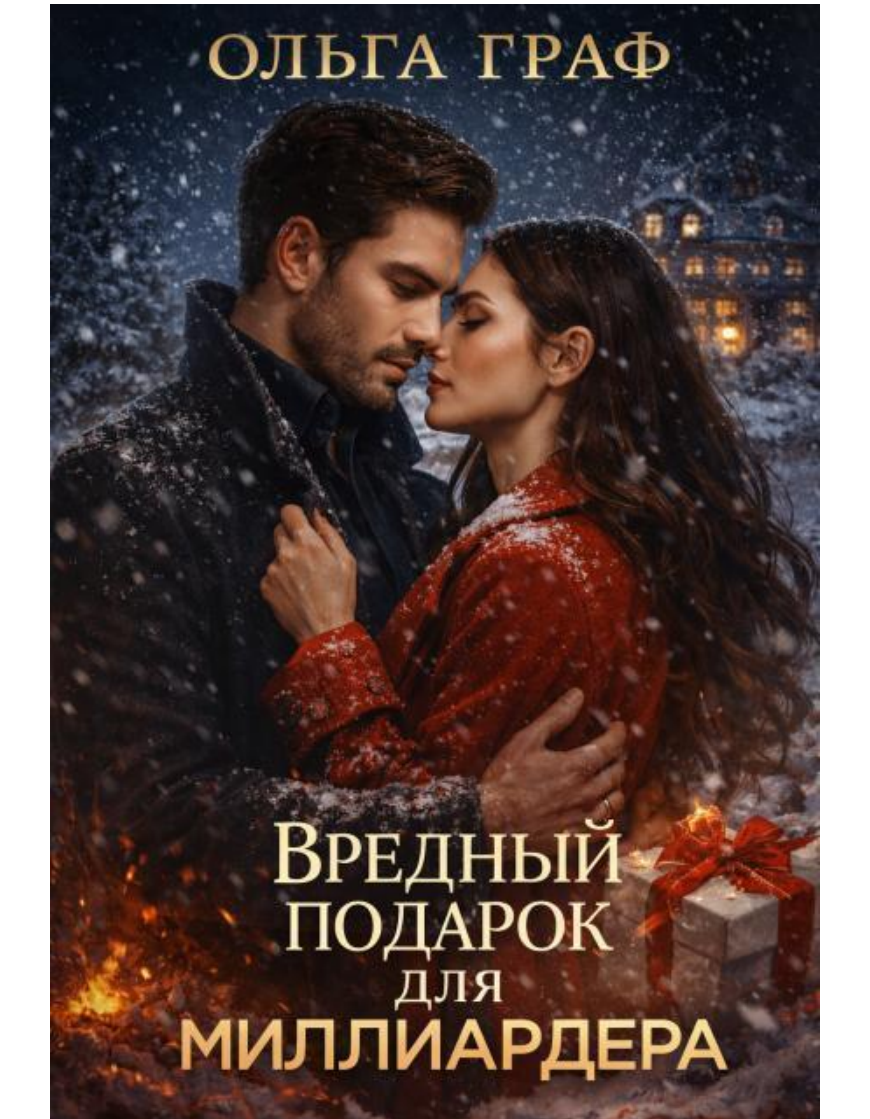

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing, in a snowy winter setting. The man is wearing a dark coat, and the woman is wearing a red velvet coat. Snow is falling around them. In the background, a large, lit-up building is visible. In the bottom right corner, there is a small gift box wrapped in silver paper with a red ribbon bow. The overall mood is romantic and festive.

ОЛЬГА ГРАФ

ВРЕДНЫЙ
ПОДАРОК
для
МИЛЛИАРДЕРА

Ольга Граф

Вредный подарок для миллиардера.

Новогодняя история

<https://litres.ru/74243084>

Аннотация

В канун Нового года курьерша Ника тащит VIP-посылку в дом в горах: один рейс — и семья выберется из долгов.

За дверью её встречает хмурый миллиардер-отшельник, который когда-то одним решением разрушил жизнь её семьи. Но она пока об этом не знает.

Метель отрезает путь назад, и они остаются вдвоём: дерзкая девчонка, ненавидящая богатых, и мужчина, привыкший покупать всё и всех. С каждой прожитой вместе ночью растут не только ненависть и искры, но и опасное притяжение.

Содержание

Глава 1. Последний рейс года	4
Глава 2. Ошибка адресата	15
Глава 3. Дом, где не любят Новый год	27
Глава 4. Новогодняя сделка	40
Глава 5. Фиктивная девушка	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1. Последний рейс года

Новый год — это когда весь город сходит с ума одновременно. А я — человек, который обязан успеть везде и сразу.

— Соколова, ты волшебная фея или кто? — орёт из кабинета начальник. — Где мой отчёт по VIP-доставкам?

Я держу в зубах пластиковую стяжку, руками затягиваю ленточку на очередном подарке и молюсь только об одном: не сказать вслух всё, что думаю. Умирать до января не входит в мои планы.

— Я курьер, Николай Петрович, — произношу как можно спокойнее. — А не сказочный единорог. Но если доплатят, могу обсудить варианты.

— Тебе доплатят, если ты доведёшь вот это, — он разворачивает ко мне монитор.

На экране — маршрут, подсвеченный тревожным красным. Линия тянется далеко за город, уходит куда-то в горы, где даже навигатор, кажется, плачет.

— Это куда, на Марс? — уточняю я. — У нас появилась опция «межгалактическая доставка», и я просто пропустила собрание?

— Горы, — отрезает он. — Закрытый посёлок. Клиент особо важный. Заказ на сегодня. Премия — тройная ставка.

Слово «тройная» падает мне в грудь тяжёлым шаром — и

тут же превращается в цифры.

Тройная ставка — это минус один кредит.
Минус просрочка по коммуналке.
Минус один вечер, когда мама говорит, что лучше бы она не дожила до этого всего.

Я смотрю на метель за окном, на маршрут в горы и выдыхаю:

— Беру.

— Я ещё не сказал, что там серпантины, снегопад и что остальные отказались, — мрачно добавляет Николай Петрович.

— Остальные — слабые, — пожимаю плечами. — У меня брат-подросток дома. У него очень дорогие мечты. У меня — нет вариантов.

Через десять минут я уже стою у служебного выхода, обнимая коробку размера «холодильник для самолётника Барби». Упаковка такая, будто внутри минимум чья-то душа: матовая чёрная бумага, тяжёлая золотая лента, лаконичный логотип в углу.

Я бы никогда не догадалась, что подарок может стоить дороже моей гипотетической машины. Если бы у меня была машина.

— Ника, ты уверена? — Лена, моя коллега, кутает нос в шарф, из которого торчат только испуганные глаза. — Там же горы. Там в новостях показали, что трассу уже местами переметает.

— Лена, — я поправляю рюкзак на плече. — Вчера Се-

рёжка прислал мне список: кроссовки, наушники и планшет. Я ему, конечно, сказала, что ничего не обещаю... но хотя бы одну позицию я хочу закрыть.

— Себе ты когда что-то обещала, Ника? — тихо спрашивает она.

Себе — потом. Когда-нибудь.
Когда перестанет так болеть из-за папы.
Когда мама перестанет вскакивать от каждого звонка.
Когда брат перестанет проверять баланс на счёте чаще, чем лайки.

Не сегодня.

Сегодня я — курьер новогодних чудес. Даже если чудо едет по гололёду в горы и ругается дурным словом на каждом повороте.

Машина досталась мне такая, будто её собирали из запчастей разных эпох. Она фыркает, когда я завожу двигатель, и обиженно мигает панелью.

— Давай, родная, — шепчу я, пристёгиваясь. — Если мы вернёмся живыми, я куплю тебе новый коврик. Или ёлочку на зеркало. Будешь самой модной старушкой на трассе.

Телефон вибрирует на подставке.
Сообщение от мамы:

«Никусь, ты когда будешь? Мы с Серёжей купили мандарины. Он хочет смотреть ёлку на Манежной по телевизору. Обещала, что придёшь до девяти».

Смотрю на маршрут: «Время в пути: 2 ч. 40 мин». Это если дороги не занесёт и я внезапно стану раллийным гон-

щиком.

Не сегодня, мам.

Сегодня другая ёлка и чья-то очень дорогая жизнь.

«Я постараюсь. Работа. Люблю вас. Не ложитесь без меня», — пишу я.

Мама отвечает сердечком и снеговиком.
У меня внутри всё сжимается и одновременно становится твёрже.

Премия — это не только деньги. Это возможность сказать папе, куда бы он там ни смотрел: «Я стараюсь, правда».

Я выруливаю на дорогу.

Город стекает с окон, как мишура: яркие вывески, пробки, мигалки такси. Чем дальше, тем темнее. Фонари становятся редкими, как хорошие новости, заправки — как оазисы.

За стеклом начинает плотнее валить снег. Дворники скребут по лобовому в нервном ритме. Радио, как по заказу, включает вечный гимн сахарного безумия: «Праздник к нам приходит...»

Хочется выключить.
И одновременно — оставить. Я люблю Новый год. Даже после того, как он перестал приносить подарки и начал приносить счета.

Я помню, как мы в детстве втроём — я, папа и мама — писали желания на бумажках, сжигали, бросали в шампанское (мне наливали компот, но детали не важны) и выпивали под бой курантов, давясь пеплом и смеясь.

Папа всегда загадывал одно и то же: «Чтобы вы были здоровы».
И добавлял: «А остальное я заработаю».

Он не успел.
Не потому, что был ленивый или глупый. Потому что однажды какой-то очень умный человек в дорогом костюме решил, что так выгоднее.
Умный человек остался на экране, папу схоронили под чёрной землёй.

Я не знаю имени того человека. И честно — не хотела бы знать.
Если бы узнала, мне было бы очень сложно не врезать ему этой чёрной коробкой по голове.

Мой взгляд всё-таки цепляется за логотип в углу упаковки. Минималистичные английские буквы, название, которое я точно где-то слышала в новостях, когда мама выключала звук.

По спине идёт холодок. Я делаю вид, что это кондиционер. И прибавляю скорость.

Асфальт заканчивается внезапно.
Начинается более узкая дорога, вдоль которой тянется забор и лес. Потом шлагбаум, будка охраны, большая табличка «ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ».

Я опускаю стекло. В лицо моментально бьёт ледяной воздух.

— Служба доставки «Северное сияние», — говорю я, перекрикивая ветер. — VIP-заказ, вот адрес, вот номер.

Охранник — мужчина лет пятидесяти, в шапке-ушанке и с видом человека, который много видел и ничему не рад, — сверяется с планшетом, бросает взгляд на коробку на заднем сиденье, потом на меня.

— Ночью-то? — недоверчиво бурчит он. — Там сейчас

вообще никого нет, хозяин сам себе.

Мне в это верится с трудом. У людей с такими домами кто-то есть всегда.

— Смотрите, — говорю максимально вежливо. — Если я не довезу, меня уволят. Если меня уволят, у нас не будет Нового года. Если у нас не будет Нового года, я вернусь и повешу вам на будку самую громкую гирлянду, которая у нас есть. Она будет мигать всю ночь.

Он фыркает.
Но шлагбаум поднимает.

— Гордеев, — бормочет. — Дом в конце серпантина. На-лево, потом наверх. Поаккуратнее, там сейчас всех к чёрту сносит.

Фамилия отзывается где-то в памяти глухим эхом.
Я решаю вспомнить потом.
Сейчас главное — не стать той, кого «снесло к чёрту».

Дальше начинается настоящая зима.

Дорога петляет вверх, как испуганная змея. Снег ложится на асфальт плотным ковром, колёса иногда предательски скользят. Я сжимаю руль так, что пальцы белеют.

— Дыши, Соколова, — шепчу я себе. — Ты не умрёшь. Как минимум потому, что у тебя нет времени.

Когда фары наконец выхватывают из темноты дом, мне хочется аплодировать.

Он действительно как из журнала: большой, простая геометрия, много стекла и дерева. Терраса, на которой сейчас лежит сугроб, как шапка на голове. Свет из нескольких окон

выливается на снег тёплыми прямоугольниками.

Красиво.
И очень одиноко.

Я паркуюсь как можно ближе к крыльцу, глушу мотор. В машине сразу становится слышно, как завывает ветер. Беру коробку — она тянет руки вниз, как гиря, — выхожу наружу.

Метель почти мгновенно облепляет лицо снегом, пробирается под воротник. Ветер бьёт так, будто хочет развернуть меня обратно в машину.

— Спокойно, — шепчу я коробке. — Мы оба сюда не про-
сились.

Поднимаюсь по ступенькам, нахожу пальцами дверной звонок. Он, конечно, стильный и минималистичный, как всё богатое и бессмысленное.

Нажимаю.

Тишина.

Нажимаю ещё раз, ещё. Наконец за дверью слышатся шаги. Лёгкие, но уверенные.
Замок щёлкает.

Дверь распахивается резко.

Сначала я вижу только полоску света и силуэт. Потом — его целиком.

Высокий.
Чёрный свитер с высоким воротником, домашние тёмные штаны, босые ступни на тёплом полу. Свет за спиной вырезает фигуру, как на обложке — широкие плечи, длинные руки, тёмные волосы, чуть растрёпанные, будто он только что провёл по ним ладонью.

И глаза.
Серые, холодные, как лёд в проруби. Вгля-

даться — и можно провалиться.

— Я ничего не заказывал, — говорит он вместо «здоровствуйте».

Голос низкий, хрипловатый, обволакивающий. У любой нормальной женщины от такого по коже побежали бы мурашки.
У меня бегут, да. Но ещё и раздражение.

— Отлично, — отвечаю я. — Тогда это будет сюрприз.

Делаю шаг вперёд, прижимая коробку ему к груди. Он автоматически отступает на полшага. За моей спиной ветер заывает громче, в дверь бьётся снег.

— Вы кто? — уточняет он, скользя по мне взглядом сверху вниз. Не как по человеку. Как по проблеме.

Спина сама собой выпрямляется.

— Санта, — говорю сладко. — Опоздавший на пару веков. Ника Соколова, «Северное сияние», служба доставки. Подпись вот сюда, пожалуйста.

Я тянусь внутрь, чтобы хотя бы коробка не промокла, но он делает шаг навстречу и перекрывает проём. Мы сталкиваемся почти плечом к плечу.

Он выше меня почти на голову. От него пахнет дорогим парфюмом и чем-то тёплым, древесным.
Неожиданно живым.

Рука ложится мне на локоть — уверенно, без суеты, и чуть отодвигает назад.

— Я. Ничего. Не. Заказывал, — произносит он, выделяя каждое слово. — Развернитесь. Сядьте в свою машину. И

уезжайте.

Я открываю рот, чтобы что-нибудь вежливо-убийственное ответить, и в этот момент ступенька под моей ногой оказывается скользкой.
Корпус подаётся назад вместе с коробкой, голова чуть закруживается.

Я вполне реалистично представляю себя кувырком вниз по ступенькам, как самый нелепый снеговик года.

Он реагирует раньше, чем я успеваю испугаться.

Пальцы сжимаются на моём локте крепче, чем нужно, он рывком притягивает меня к себе. Коробка застревает между нами, я упираюсь ей ему в грудь. Свитер почти касается моего носа, сердце грохочет у меня в ушах так громко, что я почти не слышу завывание ветра.

Тело замечает его близость первым.
Мозг догоняет вторым и зло шипит: *успокойся, это просто гравитация и чужая спина, Соколова.*

Я выравниваюсь.

— Спасибо, — говорю сухо. — Но я всё равно не уеду без подписи.

— Это ваша проблема, — отрезает он. — Не моя.

Ветер ударяет в дом так, что где-то под крышей жалобно скрипит. Свет в коридоре за его спиной на секунду моргает. Снег за моими плечами уже не падает — его буквально швыряет.

Я смотрю через его плечо на дом — тёплый, сухой, с нормальным полом под ногами.
Потом — туда, где уже по-

что не видно моей машины.
Потом — на его лицо, холодное и закрытое, и почему-то вижу не только раздражение, но и усталость.

Мама. Брат. Премия. Новый год.

И я, которая не умеет вовремя разворачиваться и уходить.

— Смотрите, — говорю я, улыбаясь так мило, что у него чуть заметно дёргается бровь. — Уехать я уже вряд ли смогу. Там дорогу через десять минут просто закатает. Так что у нас два варианта.

— Я боюсь спросить, — сухо бросает он.

— Первый: вы пускаете меня на пять минут, я ставлю эту коробку туда, куда вы скажете, вы расписываетесь, и как только буря чуть отпустит, я исчезаю из вашей совершенной жизни.

— Второй? — он скрещивает руки на груди. Движение простое, но от него в воздухе щёлкает невидимый замок.

— Второй: я остаюсь на крыльце и превращаюсь в снежную бабу. А потом сюда приезжают: моя мама, мой начальник, ваш юрист и, возможно, телевизионщики. И поверьте, снеговики в новостях выглядят невыгодно.

Он долго молчит. Смотрит так, будто пытается решить уравнение со слишком многими переменными.

Гром где-то в горах глухо перекачивается. Ветер воет, как раненый зверь.
Я больше не чувствую пальцев — ни от холода, ни от того, как сильно стискиваю коробку.

Он будто только сейчас замечает, что всё ещё держит меня

за локоть. Отдёргивает руку, как от горячего.

— Пять минут, — говорит наконец. — Только чтобы вы не умерли у меня на пороге. Я не фанат подобных скандалов. Он распахивает дверь шире, отступая в сторону.

Тёплый воздух обдаёт лицо. Я переступаю через порог — и мгновенно перестаю дрожать.
Дом пахнет деревом, кофе и чем-то ещё... пустым. Слишком правильным.

Пять минут, Соколова, — напоминаю себе.
Пять минут, которые никогда ничего не меняют.

Почему-то именно сейчас ощущение такое, будто всё только начинается.

Дверь за спиной захлопывается, отрезая вой метели.
В тишине остаётся только мы: я, коробка и мужчина с глазами зимы, который очень скоро пожалеет, что открыл мне дверь.

Сохраняй книгу, чтобы не потерять!

Вы начинаете читать книгу из цикла «**Вредные мужчины**» — историй о миллиардерах, циниках и невозможных красавцах, с которыми лучше бы никогда не встречаться... но уже слишком поздно.

Глава 2. Ошибка адресата

Внутри было слишком тихо.

Не та уютная тишина, где потрескивают дрова и посуда звенит на кухне. Та, где каждый звук — чужак.

Я делаю шаг по тёплому полу, оставляя мокрые следы от ботинок, и ощущаю, как дом будто всматривается в меня. Гладкие светлые стены, широкая лестница наверх, длинный коридор с едва подсвеченными нишами. Ни одной гирлянды, ни одной мишуры, ни единой жалкой ёлочной ветки.

Если бы можно было оформить депрессию в интерьере, она выглядела бы примерно так.

— Сюда, — говорит он.

Голос у него такой, что хочется автоматически выпрямить плечи и спрятать все свои глупости под коврик. Я подстраиваюсь под его шаг, напоминая себе, что я не стажёр на собеседовании, а курьер с тройной ставкой.

Мы заходим в просторную гостиную. Огромные окна в пол — сейчас, правда, за ними лишь сплошное белое месиво. В углу — камин, выключенный, как и всё праздничное настроение в этом доме. Большой диван, пара кресел, стол. Всё — дорогое, правильное, как из каталога.

Живого тут только один человек. И то с натяжкой.

— Ставьте туда, — он кивает на стол посреди комнаты.

Я аккуратно водружаю коробку. Пальцы наконец-то отпускает, но они всё равно ноют. На куртке тает снег, капли падают на пол. Мужчина — ладно, Роман, я уже считаю это в уме — смотрит на это с таким видом, будто я плюнула на мрамор.

— У вас есть... что-нибудь, чем можно вытереться? — уточняю я. — Пол, себя, совесть...

Он игнорирует последнюю часть.

— Разувайтесь, — говорит. — Иначе вы утонете в собственных следах.

Тон не допускает обсуждения.
Я вздыхаю, опираюсь на ближайший стул, пытаюсь стянуть мокрые ботинки, не уронив при этом достоинство и остатки самооценки.

Получается так себе.

На второй ноге я теряю равновесие и едва не лечу боком в стол. Чья-то рука — знакомая уже по жесткости — снова хватает меня за локоть, стабилизируя.

— Вы сегодня планируете упасть ещё где-нибудь? — уточняет он.

— Я предпочитаю падать не чаще трёх раз за вечер, — бурчу. — Но если ходить по льду в лоферах, то да, шансы растут.

Он бросает взгляд на мои ботинки — тёмные, практичные, страхового отдела, а не Инстаграма, — и в уголке губ что-то еле заметно дёргается. Не улыбка. Так, её далёкий предок.

— Куртку снимите, — сухо добавляет он. — Иначе простудитесь и умрёте. И мне опять придётся разбираться.

Он говорит это так, будто смерть курьера — всего лишь ещё одна строчка в его проблемах. Но куртку я всё равно снимаю. Внутри слишком тепло, чтобы геройствовать.

Когда я остаюсь в свитере и джинсах, чувствую на себе его взгляд — быстрый, оценивающий. Не как у мужика в баре. Как у человека, который привык считать риски.

Слава богу, на свитере нет пятен от кофе и логотип доставки не на груди в виде огромного пингвина. **Маленькие радости.**

— Итак, — я хлопаю по коробке ладонью. — Вот ваш подарок. Нам нужно только: имя, подпись, дата, и я исчезаю.

— Вы плохо слушаете, — отвечает он. Подходит ближе, проводит пальцами по золотой ленте, будто проверяет, не подделка ли. — Я ничего не заказывал.

— Может, вы себе не заказывали, — возражаю. — Но кто-то заказал вам. Такое тоже бывает. Не всем одиноко в горах.

Он смотрит на меня так, будто я персонально его оскорбила.

— И вы подумали, что в такую погоду разумно везти неизвестную коробку, не уточнив у получателя? — спрашивает он.

— Я подумала, что разумно заработать тройную премию, — честно отвечаю. — И что у меня нет вашего номера.

Он молчит. Поднимает крышку коробки. Движение лёг-

кое, как будто это не подарок, а очередной отчёт.

Я, конечно, не должна смотреть. Клиентская тайна, всё такое.
Но я — только человек. И человек с повышенным уровнем любопытства.

Содержимое коробки заставляет меня забыть, как дышать.

Там — идеально сложенный чёрный костюм. На вид такой, в котором люди объявляют о покупке компаний, женятся на гранитных невестах и разводятся с улыбкой на обложке журнала.

На лацкане — брошь в виде маленького серебряного ключа.
Рядом — конверт. Толстый, с тиснением. На нём — та самая минималистичная эмблема компании, что стоит в углу упаковки.

Той самой компании.

У меня внутри всё становится холодным, как снег за окном.

Я знаю этот логотип. Я видела его в новостях, на документах, на тех самых листах, которые папа рвал руками, когда понимал, что всё.

Гордеев Кэпитал.
Или как там оно точно называлось. Я старалась забыть.

— Прекрасно, — говорит мужчина, и в голосе у него появляется что-то новое. Не совсем злость. Скорее усталое презрение. — Они решили, что костюм и открытка исправят всё.

Он вытаскивает конверт, проводит по нему пальцем. Я замечаю, как белеют костяшки.
Потом резко разрывает край.

Листы бумаги, картонка.
Я продолжаю делать вид, что рассматриваю потолок.

— «Уважаемый Роман Сергеевич, — читает он вслух ровным голосом. — Совет директоров поздравляет вас с Новым годом и надеется, что в следующем вы примете взвешенное решение и вернётесь к управлению компанией. Мы ценим ваш вклад и...»

Он замолкает и фыркает, безрадостно.

— Конечно. Они ценят. Теперь ещё и курьершу прислали, чтобы эффект был... человечнее.

Он поднимает на меня взгляд.

В глазах — ледяное раздражение и что-то более тяжёлое, густое.

— Вас тоже наняли? — спрашивает он.

— В каком смысле «тоже»? — моргаю.

— С трогательной историей, — уточняет он. — Одинокая девушка в метель, чудеса, подарки. Очень креативный ход. По видеосвязи я, наверное, выглядел слишком недружелюбно, решили прислать живую декорацию.

У меня во рту пересыхает.

— Я курьер, — отчеканиваю. — Просто курьер. Моя «трогательная история» заключается в том, что если я не получу вашу подпись, то мой начальник снимет с меня кожу,

моя мама не увидит Новый год, а брат останется без планшета. Всё.

Он смотрит пристально. Секунду, две, три.
Как будто проверяет на вшивость.

— И вы ничего не знали, — наконец произносит он. Не вопрос. Констатация.

Я выпрямляю плечи.

— Не знала, — говорю. — И знать не хотела.

Потому что если начну знать, придётся выбирать. А между премией и памятью о папе выбирать — хуже, чем ехать по горному серпантину ночью.

Ветер в этот момент ударяет по стеклу так, что оно дребезжит. Где-то щёлкает реле, свет на секунду моргает.

Роман бросает короткий взгляд в окно, потом на часы.

— Сколько времени? — спрашивает.

— Половина восьмого, — отвечаю. — Почему?

— Потому что через полчаса дорогу окончательно занесёт, — спокойно сообщает он. — И вы никуда не уедете.

— Оптимист, — фыркаю. — Я видела хуже.

Он подходит к одному из огромных окон, отодвигает штору. Я тоже смотрю.

Дороги уже почти не видно. Машина — маленькая тёмная клякса в белом море. Снег летит не хлопьями, а стеной, горизонт пропал.

Где-то вдалеке глухо рычит гром, хотя вроде бы не та погода для грозы.

— Это не «хуже», — говорит он. — Это — когда МЧС пишет, что подниматься в горы запрещено. Я, в отличие от вас, умею читать прогнозы.

— Я тоже умею, — огрызаюсь. — Просто у меня нет роскоши выбирать, сидеть ли дома у камина или ехать в метель.

— Это уже ваш выбор, — отрезает он.

Меня накрывает волной злости. На него. На начальника. На судьбу. На всё.

— Отлично, — говорю я. — Тогда вы можете сделать свой: расписаться и дать мне шанс выжить. Или не расписываться и добавить в мою биографию красивый финал в стиле «курьер погибла при доставке подарка людям, которые и так не нуждались ни в чём».

Он молчит.
Потом вдруг делает что-то неожиданное: отходит к низкому столику, берёт со стеклянной поверхности тонкий планшет.

— Что вы делаете? — настораживаюсь.

— Уточняю, — отвечает он, проводя пальцем по экрану.
— Насколько всё серьёзно.

Несколько секунд он читает.
Свет лица от экрана делает его ещё более бледным, чем он есть.

— Отлично, — произносит он тем же тоном, что и я минуту назад. — Трассу внизу уже перекрыли. Верхний участок вот-вот закроют. Снегоуборочная техника не поднимется до утра. Поздравляю, Соколова. Вы выиграли экспресс-билет в никуда.

— То есть... — я сглатываю. — Я не смогу уехать?

— Сегодня — нет, — сухо говорит он. — Завтра... посмотрим.

Я чувствую, как в животе всё сжимается в тугую ледяной ком.

Мама. Серёжа. Их мандарины. Моё «буду до девяти».
Николай Петрович с отчётом. Премия, за которой я ехала, вытаскивая из салона каждую передачу, как зуб.

— У меня... — голос почему-то предательски дрожит. Я очищаю горло. — У меня семья. Они ждут.

— У меня тоже когда-то кто-то ждал, — почти равнодушно замечает он. — Это не помешало МЧС закрыть дорогу.

Хочется ударить.
Не по лицу — по этой холодной маске, которая живёт у него вместо лица.

Я кладу ладони на стол, чтобы руки не тряслись.

— То есть вы предлагаете что? — спрашиваю. — Я ночью у вас на коврике и жду, когда буря соизволит утихнуть?

— Я предлагаю, чтобы вы не погибали на моей территории, — отвечает он. — Это было бы... неприятно для всех.

Он говорит так, будто обсуждает непредвиденные расходы в бюджете.

— Вообще-то я живой человек, — не выдерживаю. — А не строчка в вашем чек-листе.

— А я живой человек, а не гостиница, — парирует он. — И не обязан обеспечивать приют каждому курьеру, который проигнорировал прогноз.

Мы стоим напротив друг друга. Ветер за стеклом пытается содрать дом с горы, а мы спорим, кто кому что должен.

Я делаю вдох.
Выдох.

— Ладно, — говорю. — Давайте так.

Он чуть поднимает бровь.

— Я остаюсь до утра, чтобы не погибнуть на вашей «территории». Вы даёте мне место, где можно переждать, и подписываете документы. Утром я уезжаю при первой возможности. Мы делаем вид, что никогда не встречались. Вы продолжаете ненавидеть тех, кто прислал вам этот костюм. Я продолжаю ненавидеть тех, кто разрушил жизнь моей семье. Все довольны.

Он зацепляется за последнюю фразу.

— Разрушил? — повторяет. — Вашей семье?

Молодец, Ника. Это называется — проговорилась.

— Фигура речи, — криво улыбаюсь. — Богатые люди, наверно, разрушают чьи-то жизни каждое утро вместо зарядки. Вероятность высокая.

Он смотрит долго. Так, будто пытается разобрать меня на составляющие.

Эти серые глаза честно пугают. В них нет привычного богатого самодовольства. Там — пустыня после пожара.

— Вы даже не представляете, насколько вы правы, — тихо говорит он.

Мурашки бегут по спине. Не от голоса. От смысла.

Он отворачивается, берёт с полки какую-то папку, вытас-

кивает лист — стандартную форму подтверждения доставки, которую, оказывается, получил по электронной почте.

— Имя, фамилия, — бурчит. — Ваши данные.

Я быстро подхожу ближе, кладу на стол свой блок, достаю ручку. Пальцы всё ещё холодные, буквы выходят угловатыми.

Он подписывает свою строку чётким, резким росчерком. «Роман Гордеев».

Фамилия теперь уже не просто эхом. Это бетонная плита.

Я на секунду застываю, глядя на подпись.

Вот он, человек из новостей. Чьё имя мама выключала. Чьи решения превратили папин труд в пыль. Чья компания выкачала из людей всё и ушла в горы.

И я стою в его гостиной, в его тепле, в его тишине, с его подписью напротив своей фамилии.

— Что? — спрашивает он, заметив мой взгляд.

— Ничего, — говорю. Усилием воли выкидываю из головы папино лицо. — Просто... почерк приятный.

— Обойдусь, — отвечает он.

Он берёт планшет, нажимает несколько кнопок. Я слышу гудок вызова.

— Да, — говорит он после короткой паузы. — Это Гордеев.

Я машинально делаю шаг назад, но звук в комнате такой, будто я стою рядом с собеседником.

— Я получил ваш «подарок», — произносит он, и в го-

лосе у него появятся сталь. — И курьера, которого вы так любезно прислали вместе с ним.

У меня внутри всё подскакивает.

Они? Прислали меня?

— Нет, — продолжает он. — Она утверждает, что просто курьер. Но вы же знаете меня, Аркадий. Я не верю в совпадения.

Он смотрит в окно, на белый ад за стеклом.

— Вы нашли меня даже здесь, — тихо говорит. — В горах, посреди бури. Но я не вернусь. И не буду играть в ваши рождественские спектакли.

Я чувствую, как холод пробирается обратно под кожу, невзирая на тепло дома.

Я — не часть никакого спектакля. Я просто хотела премию, чтобы у Серёжки был планшет и новый год.

И вот теперь мужчина, который разрушил наш прошлый Новый год, считает меня чьим-то агентом.

— Да, — добавляет он в трубку. — И ещё...

Пауза.

— Здесь села одна очень настойчивая женщина. Я, похоже, застрял с ней на несколько дней.

Он отключает звонок и поворачивается ко мне.

— Ну что ж, Соколова, — произносит он. — Добро пожаловать в никуда.

— Это я должна сказать, — отвечаю. — Я, похоже, попала в ад. Только вместо котлов — костюмы и инвестиции.

И вместо чёрта — мужчина, на которого моё тело уже реагирует, а разум протестует так громко, что его, кажется, слышно даже сквозь метель.
Сохраняй книгу, чтобы не потерять!

Если любите такие истории, обязательно загляните в книгу **«На острове с миллиардером»**. Она приехала спасать старый отель, а главным препятствием оказался мужчина, который мечтает только об одном — чтобы все оставили его в покое.

Глава 3. Дом, где не любят Новый год

Открываю один глаз — пусто. Второй — тоже.
Никаких маньяков, никаких ёлок, никаких мандаринов. Только незнакомый потолок цвета дорогого молока и ощущение, что меня ночью катали в стиральной машинке.

Я лежу на широкой кровати в гостевой, которую вчера выпросила у миллиардера-ледника, чтобы не умереть на его крыльце. Под головой — идеальная подушка. На теле — не моя куртка, не мой свитер, а...

Я приподнимаюсь на локте.

На мне — огромная мужская рубашка. Белая, хлопковая, мягкая и пахнущая тем же, чем пах дом: деревом, чистотой и чем-то сдержанно-мужским. Мои джинсы и свитер аккуратно сложены на кресле.

Так. Стоп.

Я точно помню, как вчера, дрожа и не попадая пальцами в молнию, пыталась снять промокшие вещи. Помню голос Романа:

«В шкафу — чистое бельё. Переоденьтесь. Ванная — направо».

Я помню, как стеснялась зайти в ванную с чемоданом стирки, как долго стояла под горячим душем, пытаюсь ото-

греться до костей, и как потом на полке нашла стопку сложенных белых рубашек.

Я выбрала одну. Самую простую. И всё равно в ней чувствую себя как в непрошеном признании.

Рубашка до середины бедра, чуть длиннее сзади. Рукава закатаны до локтей, потому что иначе я утону. Ворот незастёгнут на одну пуговицу, слишком тесно. Голые ноги мерзнут по утру, но даже в тёплых носках выглядело бы странно.

Отлично, Ника. Ты — курьер, который в первый же вечер переоделся в рубашку хозяина. Карьера мечты.

Я сажусь на край кровати, ищу глазами телефон. Он на тумбочке, подключён к зарядке. Рядом — записка.

Строгий, чёткий почерк.

«На кухне есть кофе и еда. Домашний телефон на стене, связи с внешним миром всё ещё нет. Дорогу не открыли. Не выходите на улицу. Р.Г.»

Я смотрю на инициалы и фыркаю. До смешного официально.

Снизу доносится едва слышный звук — как будто посуда, вода, шаги. Значит, хозяин дома уже встал. В отличие от меня, он, наверное, проснулся красивым, собранным и без мешков под глазами.

Бросаю быстрый взгляд на себя в зеркало — и морщусь. Волосы встали в шипы, как будто я ночью подзаряжала дом от собственной головы. Глаза чуть припухли, щеки розовые от тепла.

Ладно. Возможно, я смогу компенсировать всё это характером.

Натягиваю свои носки, засовываю ноги в чьи-то (явно не мои) мягкие домашние тапочки — видимо, он оставил — и тихо открываю дверь.

Дом с утра кажется ещё более тихим, чем ночью.

Коридор широкий, светлый, пол тёплый. На стенах — ничего. Ни фотографий, ни картин, только ровные панели. Как будто здесь никто не живёт, а только иногда появляется.

Я иду на запах. Тёплый хлеб, кофе, что-то обжаренное.
Кухня находится в конце коридора, сразу за столовой.

Я заглядываю внутрь — и на секунду забываю, что собиралась быть скромной и невидимой.

Кухня большая, почти как моя квартира. Белые шкафы, тёмная столешница, огромный остров посередине. У окна — маленький столик и два стула. На плите что-то булькает в кастрюле. Кофемашина размером с космический корабль мирно гудит, наполняя чашку густой, как нефть, жидкостью.

У этого всего спиной ко мне стоит Роман.

Тёмные домашние штаны, серый свитер вместо чёрного, волосы чуть растрёпаны. Он в этот момент как раз тянется за чем-то на верхней полке, и свитер поднимается, открывая полоску голой кожи над поясом.

Я автоматически отворачиваюсь, пока мозг в панике не начал комментировать то, что увидел.

Тело, веди себя прилично. Мы тут по делу.

— Доброе утро, — говорю я, стараясь звучать бодро и без признаков ночных инсинуаций с рубашкой.

Он оборачивается.

Взгляд автоматически скользит по моему лицу, затем — чуть ниже. Останавливается на рубашке. На секунду в серых глазах появляется что-то вроде... сбоя.

Я вижу, как он замечает: чужая рубашка на чужой девушке, подол выше, чем принято, голые ноги, чужие тапочки. И как у него на долю секунды сбивается дыхание.

Если бы я не смотрела так внимательно, не заметила бы. Но я смотрю.

Потом всё возвращается на место. Лицо — ледяное, голос — сухой.

— Нашли, — только и говорит он. — Вещи в шкафу были для гостей.

— Для очень высоких гостей, — замечаю я, опуская взгляд на себя. — Я в этой штучке, как в палатке.

— Альтернатива была простудиться, — пожимает плечами он. — Кофе будете?

— Это вопрос? — фыркаю. — После ночи в горном аду? Конечно.

Он наливает кофе в большую кружку, протягивает мне. Я подхожу ближе, и наши пальцы на секунду встречаются на ручке.

Опять.

Опять этот легкий электрический удар, будто стати-

ка.
Опять моё сердце решает сыграть бубном.

Я делаю вид, что ничего не чувствую.

— Спасибо, — беру кружку, делаю глоток. Напиток обжигает язык и одновременно возвращает меня в жизнь. — О боже. Это не растворимый?

— Удивительно, но нет, — сухо отвечает он. — Мир богаче, чем вам кажется.

— Уже богаче, — соглашаюсь. — Вчера я думала, что самое лучшее в мире — это батарея и сухие носки. Сегодня — этот кофе.

Он чуть склоняет голову, будто не ожидал комплимента кофе, а не ему самому.

На столе я замечаю тарелку с омлетом и поджаренным хлебом.

— Это... тоже для гостей? — интересуюсь.

— Это для меня, — отвечает он. Пауза. — Но можете взять.

— Великодушие зашкаливает, — отмечаю. — Я привыкла завтракать булкой всухомятку по дороге, так что для меня любой омлет — как ресторан.

Я беру один кусочек, делаю маленький аккуратный укус и чувствую, как желудок начинает аплодировать.

Мы едим молча. Точнее, я ем и делаю вид, что молчу, а в голове у меня скачут мысли, как новогодние шарики.

Дом без единого намёка на праздник.
Мужчина, который готовит себе омлет сам, хотя мог бы заказать шеф-по-

вара.
Метель, отрезавшая нас от мира.

И логотип на коробке, который до сих пор зудит где-то в затылке.

— Вы давно тут живёте? — спрашиваю я, чтобы заполнить тишину и заодно выманить хоть какие-то детали.

Он смотрит в окно. За стеклом — белая стена снега.

— Достаточно, — отвечает.

Спасибо, капитан конкретность.

— И вам не одиноко? — не отстаю. — В таком... холёном убежище?

— Мне здесь удобно, — исправляет он. — Удобство — недооценённое ощущение.

— Да, — киваю. — Когда не надо думать, хватит ли денег на отопление — очень удобное.

Он бросает на меня взгляд — быстрый, острый.

— Я вчера вас обидел? — вдруг спрашивает.

Я чуть не давлюсь омлетом.

— В каком из пунктов? — уточняю. — Когда сказал, что я сама виновата, что поехала? Или когда предложил умереть не на вашей территории?

В глазах на секунду вспыхивает что-то похожее на... смущение? Нет, мне показалось.

— Я констатировал факты, — говорит он.

— Ага, — хмыкаю. — У вас, похоже, хроническая аллергия на сочувствие.

— У меня хроническая аллергия на глупость, — поправ-

ляет он.

Я улыбаюсь. Острыми краями.

— Тогда неудивительно, что вы живёте один, — бросаю.

Мы смотрим друг на друга поверх кружек. Спарринг утром, зарядка для души.

Где-то в глубине дома тихо щёлкает, словно включился какой-то прибор. Я делаю вид, что не заметила.

— Вам не холодно? — неожиданно спрашивает он, переводя взгляд на мои голые ноги.

Вопрос такой, как будто он сам только что заметил.

Я опускаю взгляд. Подол рубашки, колени, голые икры, его тапочки. Образ, который вряд ли вписывается в его идеальные графики.

— Чуть, — признаю. — Но я не буду жаловаться. Иначе вы решите, что я хочу вторую рубашку.

— У меня есть пледы, — сухо сообщает он. — И тёплые штаны.

Пауза, в которой мы оба представляем меня в его тёплых штанах. Я — со смехом. Он — с той самой микрозадержкой дыхания.

— Я справлюсь, — отмахиваюсь. — Мои ноги видели и хуже.

Я отставляю кружку и встаю.

— Можно я... немного посмотрю дом? — спрашиваю. — Мне же всё равно здесь торчать до утра. Интересно же, как живут люди, у которых не падает штукатурка.

Он чуть напрягается.

— Это не экскурсионный объект, — отвечает. — Но если вы не лезете в закрытые двери, я, возможно, смогу это пережить.

— Ключевое слово «попробую», — поправляю. — Я не обещаю.

Я выхожу из кухни с кружкой в руках и начинаю осмотр. Не то чтобы мне действительно интересно, какие у него стулья, но любопытство — это мой встроенный двигатель.

Гостиная с камином, который всё ещё выключен, выглядит днём ещё более странно. Большой диван, стол, огромный телевизор, полки с книгами. Всё аккуратно, ровно, идеально.
Но — ни одной фотографии. Ни одной открытки. Ни одного детского рисунка, случайно оставленного магнитиком на стене.

У нас дома каждая свободная поверхность — музей нашей жизни. Здесь — выставочный зал.

Я заглядываю в одну комнату — там, судя по всему, кабинет. Большой стол, кресло, два монитора, полки с папками. В углу — тренажёр. На стене — плакаты с графиками и цифрами.

Я сворачиваю дальше.

В одной из ниш замечаю что-то, что выбивается из общего стиля. Книжная полка и на ней — не папки и не классика, а журналы. Толстые глянцевые. На одном обложка в рамке.

Я делаю шаг ближе.

На обложке — мужчина в тёмном костюме. Взгляд — чуть в сторону, лёгкая тень улыбки, уверенность на максимуме. Подпись: «Роман Гордеев: человек, который меняет правила игры».

И крупно — логотип той самой компании.

Гордеев. Гордеев Кэпитал. Тот самый «умный человек в дорогом костюме», о котором говорили все новости.

Мир на секунду словно чуть качнулся.

Я не сразу понимаю, что это он. Один и тот же человек. Тот, кого мама выключала, не желая слышать ни слова. Тот, из-за чьих решений папа остался без работы. Чьё имя писали в заголовках, когда говорили «обвал», «кризис», «люди в отчаянии».

Я чувствую, как холод не от снега, а изнутри поднимается по позвоночнику.

Конечно, я знала, что богатый дом в горах — это не просто «какой-то Роман». Но я старалась не думать. Теперь имя и лицо встают передо мной во весь рост.

— Нашли мой... памятник? — тихий голос звучит у меня за спиной.

Я вздрагиваю. Оглядываюсь.

Роман стоит в дверном проёме, опершись плечом о косяк. Руки скрещены на груди. Взгляд цепкий.

Я нервно усмехаюсь.

— Я думала, у вас тут вообще нет фотографий, — говорю.
— Оказалось, вы прячете их между деловыми папками.
Показывает хорошую самооценку.

— Это не я повесил, — отвечает он. — Это подарок от коллег. Я просто забываю его выбросить.

— Странно, — замечаю. — Обычно люди вешают свои обложки на самое видное место. Чтобы каждый гость понимал, с кем имеет дело.

— Я не люблю, когда гости понимают, с кем имеют дело, — холодно говорит он. — Это портит вечер.

— Тогда вам очень повезло, — улыбаюсь. — Я курьер. Я и так не должна понимать ничего.

Мы смотрим друг на друга.

У меня в голове шумит, как в раковине: «Гордеев. Папа. Новости. Инфаркт. Мама, выключающая телевизор».
Я чувствую, как в груди поднимается волна злости. На него. На логотип. На несправедливость. На то, что я стою в его доме в его рубашке и пью его кофе.

Но я делаю вдох.
И глотаю всё обратно.

Премия.
Мама.
Серёжка с его списком желаний.

Я не могу сейчас устроить сцену на тему «вы разрушили мою жизнь». Не здесь, не в горах, не в доме, где у него на стороне всё: метель, стены, деньги.

Пока нет.

— Значит, вы тот самый, — говорю чуть тише. — Который меняет правила игры.

В голос всё равно проскальзывает что-то острое.

Он не отводит взгляд.

— Значит, вы смотрите телевизор, — парирует. — Или

читаете интернет.

— Я смотрю цену коммуналки, — говорю. — А вот телевизор мама давно выключает, как только появляется ваше лицо.

Тишина становится плотнее.

Он поворачивает голову, рассматривает обложку — себя-прошлого — так, будто смотрит на чужого.

— Мудрая женщина, — произносит спокойно. — Я бы тоже выключил.

И почему-то именно от этой фразы мне становится ещё хуже.

Я отворачиваюсь первой.

— У вас пусто, — говорю, чтобы сменить тему. — Ни одной гирлянды, ни одной ёлки. Это преступление против Нового года.

— Новый год ничего не сделал, чтобы заслужить здесь место, — отвечает он.

— Ого, — фыркаю. — Это он вас обидел, да? Елкой по голове ударил? Забыл поздравить?

— Он... — он на мгновение замолкает, словно выбирая слова. — Он однажды показал, что все «желания под бой курантов» — это просто смешная иллюзия. Мне хватило.

В его голосе впервые слышится не просто холод, а трещина. Как будто где-то внутри лёд давно уже ломался, но он умеет это прятать.

Мне вдруг становится очень интересно: какой именно Но-

вый год ему всё испортил.
Настолько, что он спрятался в горах и выключил праздник.

— Тогда мы в тупике, — вздыхаю. — Я люблю Новый год, а вы его ненавидите. Я курьер чудес, а вы разрушитель мечтаний.

Совместимость — ноль процентов.

— К счастью, нам не нужно проверять совместимость, — сухо отвечает он. — Нам нужно всего лишь пережить несколько дней в одном доме, пока буря не устанет.

Он говорит «несколько дней» так, будто это годы каторги. Я вскидываю голову.

— Несколько дней? — повторяю. — В смысле... больше суток?

— Трассу не откроют ни сегодня, ни завтра, — спокойно сообщает он. — Вы же хотели ясности.

У меня внутри всё сжимается.

Дни.
Мама. Серёжа. Их мандарины. Мой начальник. Премия.

И я — в доме человека, который разрушил наш прошлый Новый год, запертая с ним в горной крепости.

— Ну что ж, — медленно говорю я. — Тогда вам точно нужна ёлка.

— Что? — он моргает.

— Ёлка, — повторяю. — И гирлянды. И, возможно, мишура на этот ваш героический плакат.

— Ни за что, — отрезает он. — В моём доме не будет

мишуры.

— В вашем доме уже есть курьер, — напоминаю. — Так что хуже не станет.

Я разворачиваюсь, направляясь обратно в гостевую, где оставила рюкзак.

За спиной чувствую его взгляд. Тяжёлый, внимательный.
Тот, от которого кожа помнит каждое касание.

Дом, где не любят Новый год, встретился с девушкой, которая в Новый год верит слишком упрямо.

А ещё — с её очень вредным планом: пережить здесь не только бурю, но и его.
Сохраняй книгу, чтобы не потерять!
Если вам мало вредных мужчин—вам в мой цикл. Законченная книга "Невидимка для Босса", где героя с легкой руки тетушки притворяется ассистенткой властного бизнесмена, пока он влюбляется в нее в реальной жизни.

Генеральная уборка для генерального -- подписка, книга про историю уборщицы, которая застревает на одном этаже с генеральным во время грозы и рассказывает ему, что не так с его компанией (она не знает, что он генеральный)

Читайте и комментируйте!

Глава 4. Новогодняя сделка

После его «в моём доме не будет мишуры» я ухожу из гостиной с максимально невинным лицом.

*Не будет, говоришь?
Посмотрим, Роман Сергеевич.*

В гостиной тихо. Слишком тихо для мозга, который уже разогнали до красной зоны.

Я закрываю за собой дверь, плюхаюсь на пол и подтаскиваю к себе рюкзак. Расстёгиваю молнию.

Сменные носки. Зарядка. Блокнот. Пара карандашей. И моя маленькая радость — дешёвая, тонкая гирлянда, свернутая в круг.

Я вытаскиваю её, держу за провод, и на секунду становится легче.
Как будто кусочек дома.

Телефон вибрирует тут же.

На экране мама:

«Никусь, как ты там? Снег у нас тоже идёт, Серёжа сделал первого снеговика. Ждём тебя к ёлке ##»

В груди что-то перехватывает.

«Я ок. Снег по шюю, но я крепкая. Люблю вас. Не ложитесь без меня»— печатаю.

Почти сразу сверху выскакивает другое уведомление — и вот от него уже холодеет совсем по-другому.

Николай Петрович.

«Ника, мне писали из офиса заказчика. Говорят, кли-

ент в бешенстве, что его тревожили.
Если он подаст жалобу — нам прилетит.
Нужно, чтобы он подтвердил, что ВСЁ ОК и он ДОВОЛЕН.
Идеально — фото/видео.
От этого зависит твоя премия. И... не только премия».

Я несколько секунд просто смотрю на экран.

«И не только премия» — это по-нашему, по-человечески: «подумаем, нужна ли нам такая проблемная курьерша».

Я закусываю губу до боли.

Отлично. Застряла в горах с человеком, который обрушил жизнь моей семье, и теперь от него ещё и зависит, будет ли у нас Новый год.

Внутри тихо щёлкает. Падает какой-то последний стопор.

Я засовываю гирлянду обратно в рюкзак.
Сейчас не до мятежей против дизайна.

Хватаю телефон и выхожу из комнаты.

Романа я нахожу в кабинете.

Большой стол, два монитора, полки, папки, графики. Светлый день за окном, который почти не пробивается сквозь снежную кашу. И он — в кресле, полубоком к экрану, в тёмном свитере. Сосредоточенный. Собранный.

Человек, который привык решать судьбы цифрами.

Я стучу по дверному косяку костяшками пальцев:

— Можно?

— Вы уже зашли, — не отрывая взгляда от монитора, отвечает он.

— Это был жест вежливости, — поясняю. — Вдруг вы заняты изгнанием очередного курьера.

Он всё-таки переводит взгляд.
Серый, колючий.

— У вас что-то случилось, Соколова? — сухо спрашивает.
— Или вы просто решили, что я мало слышал ваш голос.

— Случилось, — я подхожу ближе и кладу телефон на край стола. — Как ни странно, опять из-за вас.

Одна бровь чуть приподнимается.

— Слушаю, — коротко говорит он.

Я открываю переписку и разворачиваю экран к нему.

— Ваши люди связались с моими, — резюмирую. — Мои, естественно, решили, что проще слить курьершу, чем признать, что у богатого клиента отдельное мнение. Теперь от вашего «доволен/недоволен» зависит моя премия. И, возможно, работа.

Он бросает взгляд на текст. Потом — на меня.

— Я не просил никого угрожать вашей работе, — ровно произносит.

— А мне так легче? — фыркаю. — «Успокойтесь, Ника, это всего лишь стихийное бедствие, просто кто-то сверху нажал не ту кнопку»?

Он сцепляет пальцы в замок.

— И что вы хотите от меня? — спрашивает. — Чтобы я позвонил вашему начальнику и снизошёл до объяснений?

— Я хочу, чтобы вы услышали до конца, — отвечаю. — Минуту. Потом можете выставить меня за дверь. Если, ко-

нечно, сможете.

Он на секунду закрывает глаза. Открывает.

— У вас сорок пять секунд, — сообщает. — Я щедрый.

— Мне достаточно тридцати, — огрызаюсь. — Вам нужно, чтобы ваши бывшие коллеги от вас отстали. Они уже слишком глубоко засунули нос в ваши горы. Мне нужно, чтобы они отстали от меня. Мы можем помочь друг другу.

Его взгляд чуть меняется — становится внимательнее.

— Продолжайте, — коротко кивает он.

— С вашей стороны всё просто, — говорю. — Пока мы тут заперты, вы делаете вид, что не сидите один посреди метели, а проводите время... не знаю, как это называется в вашем мире — с девушкой, с близким человеком.

Я выдерживаю паузу.

— То есть со мной.

Он молчит.

Если бы тишину можно было трогать руками, она бы сейчас резала ладони.

— Ваш совет директоров волнуют не только цифры, — продолжаю. — Им важно, чтобы картинка с вашим лицом выглядела безопасно для инвесторов. Не «отшельник в горах», а «успешный мужчина, который сам контролирует свою жизнь, окружение и даже праздники». Вы получаете эту картинку.

Я делаю вдох.

— Я, в кадре, играю вашу... девушку. Выставляем пару

фото/созвонов так, как вам нужно. Они в восторге, вы — свободны. Взамен вы решаете мой вопрос. Сегодня. Здесь. По спикерфону.

Он смотрит на меня так, будто проверяет на прочность.

— Вы предлагаете мне использовать вас как живой рек-
визит, — спокойно подытоживает он.

— Я предлагаю сделку, — отвечаю. — В которой оба по-
лучают, что хотят.

— А что вы хотите, Соколова? — его голос чуть меняется.
— Только премию? Или ещё и моральную компенсацию за
всё, что вы решили на меня повесить?

Горло перехватывает.
Он не знает деталей. Но доста-
точно умён, чтобы чувствовать под текстом что-то ещё.

— Я хочу, чтобы у моей семьи был Новый год, — произ-
ношу тихо. — Остальное — потом.

Мы какое-то время просто смотрим друг на друга.

В голове звучит папино: «*Остальное я разработа-
ю*».
Теперь это «остальное» сидит напротив в тёмном
свитере.

Наконец он откидывается на спинку кресла.

— Вы многое себе позволяете, — произносит спокойно.
— Прибыть в непогоду, разрушить мой покой, устроить пе-
реворот в моём доме и теперь ещё предлагать переупаковать
мой образ для совета директоров.

— А вы многое себе позволили до меня, — не остаюсь в
долгу. — Так что давайте считать, что я — скромный ответ

вселенной.

Он хмурится. В глазах на секунду вспыхивает знакомая сталь.

— Я не впускаю в свою личную жизнь посторонних, — говорит он. — Даже временно.

— Здесь ключевое слово «личная», — парирую. — Вам не нужна личная. Вам нужна легенда. Красивая картинка на пару недель, пока они там играют в корпоративное рождение. Я — дёшево, сердито, уже в доме.

Я подаюсь вперёд, глядя прямо ему в глаза.

— И давайте честно: у вас нет никого лучше под рукой.

Долгая пауза.

Тик. Так. Тик.

— У вас дурная привычка говорить правду в лицо, — наконец произносит он.

— Это моя суперсила, — пожимаю плечами. — Вас вон даже не убило.

Он медленно поднимается. Обходит стол, останавливается рядом со мной.

Сверху он выглядит ещё выше.
Чужой дом, чужой мужчина, чужие деньги — и моя жизнь, которая почему-то оказалась между всеми этими точками.

— Хорошо, — говорит он негромко. — Договор.

И протягивает руку.

Я смотрю на ладонь, на длинные пальцы, на тонкий шрам у основания большого пальца. Вкладываю свою.

Тепло. Слишком.
Хват — крепкий, как будто он подписывает не устную сделку, а контракт на кровь.

Большой палец почти невесомо скользит по коже моей ладони. У меня внутри что-то срывается в штопор.

Мы смотрим друг на друга. Рукопожатие длится на пару секунд дольше, чем положено.

Он отпускает первым.

— Условия, — сразу возвращается к деловому тону. — Первое: вы не открываете рот, если я прямо не обращаюсь к вам по имени. Второе: никакой самодеятельности в легенде. Мы проговариваем одну версию — вы её держите. Третье: обо всём, что здесь происходит, вы не рассказываете никому. Ни вашей семье, ни вашему начальству.

— У вас совсем нет чувства романтики, — хмыкаю. — Можно было хотя бы добавить «четвёртое: не влюбляться».

Он смотрит холодно.

— Это было бы лишнее, — отрезает. — Я не представляю ваш тип.

Вот это уже попадание.

Я усмехаюсь. Острыми краями.

— Взаимно, — отвечаю. — И всё же у меня тоже есть условия.

— Разумеется, — устало замечает он. — Я слушаю.

— Первое: вы прямо сейчас звоните моему начальнику, — говорю. — По громкой связи. И говорите, что я — лучший курьер в вашем богатом и драматичном опыте. Без на-

мёков. Без «но».

— Второе: вы не даёте вашим юристам использовать меня как удобную мишень в этой истории. Ни сейчас, ни через неделю.

Он смотрит пару секунд. Потом кивает.

— Первое — сейчас. Второе — возьму на себя, — отвечает.

Берёт мой телефон, ищет нужный контакт.

— Включить громкую связь? — спрашивает.

— Обязательно, — киваю. — Я люблю слушать, как мужики, которые на меня орут, вдруг начинают шептать.

Он даже не улыбается, но где-то в глазах мелькает искра.

Он нажимает вызов. Гудки.
Потом — знакомый, слегка раздраженный голос:

— Ника, где ты там уже, я...

— Добрый день, — мягко перебивает его Роман. — Это Роман Гордеев. Ваш клиент.

На том конце наступает такая тишина, что я даже через динамик чувствую, как Николай Петрович побледнел.

— Р... Роман Сергеевич, — голос становится шелковым. — Очень... приятно... э-э... чем можем...

— Хотел уточнить один момент, — голос Романа становится таким, каким я его ещё не слышала: вежливым, ровным, с металлической линией под бархатом. — Вчера ваша сотрудница, Ника Соколова, доставила ко мне заказ в условиях, когда любой здравомыслящий человек остался бы до-

ма.

Он делает паузу, глядя на меня.

— Я полностью доволен её работой, — продолжает. — Профессиональна, настойчива, вежлива.

Вот тут вы, конечно, приукрасили, думаю я, но не вмешиваюсь.

— Если вы собираетесь принимать кадровые решения, опираясь на слухи о моём «бешенстве», — добавляет он холоднее, — уверен, вам полезно услышать моё мнение лично.

Новая пауза.

— Я был бы чрезвычайно... разочарован, — подчёркивает он это слово, — если бы сотрудник, который делает то, от чего другие отказываются, остался без премии.

У меня по спине бегут мурашки. Не от страха. От понимания, насколько легко ему давить на людей. И насколько легко он в этот момент — на моей стороне.

На том конце начинаются суетливые звуки.

— Н-нет-нет, что вы, — затараторил Николай Петрович. — Конечно, никаких... Мы ценим таких сотрудников... Премия будет, разумеется... Даже подумаем, как...

— Рад это слышать, — спокойно обрывает его Роман. — Тогда считаем вопрос закрытым.

Он отключает звонок и молча возвращает мне телефон.

Я сглатываю.

— Спасибо, — выдыхаю.

— Не благодарите за то, что входит в условия сделки, —

отрезает он. Но в голосе уже нет того холода, что в начале.

— Через час у меня созвон с Аркадием, — говорит он уже в гостинной. — И частью совета директоров. Они очень хотят убедиться, что я не лежу в снегу лицом вниз.

— Везёт им, — бурчу. — Им хотя бы дадут картинку.

— Вам тоже, — бросает он. — Ваша задача — сидеть рядом и не разрушать легенду одним взглядом.

Он ставит ноутбук на низкий столик напротив дивана, проверяет камеру. На экране — мы, слегка искаженные перспективой.

Он садится первым, в привычном, собранном полуповороте. Я — поодаль.

— Ближе, — тихо говорит он, даже не глядя. — Иначе это будет выглядеть, как допрос, а не... отношения.

— Они и есть допрос, — бурчу. Но пододвигаюсь.

Сантиметр. Ещё.
В какой-то момент нашими плечами почти касается. Я чувствую его тепло через ткань.

Рука мягко ложится мне на поясницу. Не резко — как будто кладёт на место. Но пальцы держат крепко.

— Так, — негромко произносит он. — Сейчас вы — не курьер. Сейчас вы — человек, которого я сам пустил в этот дом.

— И сам же потом выгоните, — шепчу.

— Возможно, — спокойно отвечает. — Но не при них.

Он другой рукой заправляет выбившуюся прядь мне за ухо. Костяшки пальцев легко касаются шеи. Мурашки под-

нимаются почти до затылка.

— Улыбнитесь, — просит он. — Но не так, как будто готовы наброситься им на глотку.

— У меня это базовый режим, — шепчу. Но уголки губ всё-таки смягчаются.

На экране — мы. Он — стальной профиль, рука на моей талии. Я — в свитере, с его жестом в волосах и слишком честными глазами.

Отражение смотрит на меня так, будто это уже не игра.

Экран мигает: входящий вызов.

— Готовы? — негромко спрашивает он.

— Нет, — честно отвечаю. — Но это не остановило ни одну мою глупую идею.

Он еле заметно усмехается. Пальцы на моей пояснице сжимают кожу чуть сильнее — как якорь.

Он нажимает «принять».

Появляется окно с лицом Аркадия в очках. Следом выскакивают ещё два: женщина лет сорока с идеальной укладкой и мужчина, у которого даже подбородок выглядит, как актив.

— Роман, — улыбается Аркадий. — Наконец-то. Мы уже думали, ты там превратился в снежную статую.

— Пока ещё нет, — отвечает Роман своим деловым голосом — чуть теплее, чем обычно. — Хотя погода старается.

Они обмениваются парой фраз про бурю, генератор, ремонт линии. Потом взгляд женщины на экране цепляется за

меня.

— О, — тянет она. — А у тебя, кажется, компания.

Я чувствую, как рука на моей талии ещё чуть сильнее сжимает кожу.

Роман даже не поворачивает головы.

— Да, — спокойно произносит он. — Познакомьтесь. Это Ника.

Кто-то на том конце улыбается шире, кто-то прищуривается.
Пара секунд тянется тонкой нитью.

И тогда он ставит ту самую точку:

— Моя девушка.

Слово падает в комнату тяжёлым, горячим грузом.

«Моя».

Мозг истерично напоминает: *легенда, сделка, театр*.
Тело делает вид, что не слышит слово «игра». Оно слышит только «моя».

Я поднимаю на него глаза — на долю секунды.
Он смотрит в камеру, профиль спокойный, рука по-прежнему лежит у меня на талии.

Но пальцы на секунду едва заметно сжимают кожу, как будто он ставит эту точку не только для них.

— Очень приятно, — говорю я в камеру и вдруг понимаю, что улыбаюсь совсем по-другому. Не натянуто и не ядовито.

А как человек, который только что подписал самый странный контракт в жизни — и впервые за много лет чувствует, что его сердце бьётся не только от страха.
Сохраняй

книгу, чтобы не потерять!
♥# Пока Ника воюет со своим миллиардером, вас уже ждёт ещё одна солнечная история — **«На острове с миллиардером»**. Она приехала спасать умирающий отель с одним очень вредным жильцом... который мечтает, чтобы его все оставили в покое!

Глава 5. Фиктивная девушка

— Моя девушка, — спокойно говорит он.

Слово падает, как кирпич в воду. По спине — волна, по животу — вторая, ещё более нагл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.